

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ И. ИЛЬИНА

© Дмитрий Сергеевич ПИЛИПЧУК

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра философии,
e-mail: ray3dog@yandex.ru

И. Ильин стал одним из самых ярких представителей эпохи «философского ренессанса» в России и принадлежит к плеяде выдающихся русских философов XIX–XX вв. Религиозная философия И. Ильина и его общественно-политическая деятельность нуждаются на сегодняшний день не в безоглядной апологетике, а требуют носящего сугубо научный характер изучения. В своей философии религии И. Ильин не избежал сильного влияния западных философов. Известна философская концепция «очевидности» И. Ильина, на которую оказала несомненное влияние немецкая классическая философия. Интуитивный акт, то же самое «переживание очевидности», по мнению философа, лежит в основе всех других форм духовной деятельности человека: научного знания, искусства, морали.

Главным свойством религиозного мировосприятия И. Ильина была религиозная цельность. И. Ильин был абсолютно уверен в особом, самобытном пути России. Главным свойством русской души, открытой христианской вере, И. Ильин считает сердечное созерцание. Значение православия И. Ильин оттеняет критикой католицизма. Религиозные концепции «сердечного созерцания» и «духовной очевидности» И.А. Ильина, в которых философ говорит о «проникновенности любви и созерцательной силе», «свете очевидности», «созерцающем вчувствовании», «инстинктивной духовности», его идея о том, что человек «осуществляет свой земной путь от рождения до смерти в глубоком и неизбывном одиночестве», заставляют высказать предположение о близости религиозных идей философа течению исихазма. Отмечая необходимость богословского православно-догматического анализа религиозной философии И. Ильина, учитывая возрастающую популярность его творчества, существующая в настоящее время критика религиозной философии И. Ильина со стороны православного богословия сводится при этом к следующему: И. Ильин ориентирован на Запад, прежде всего, опирается на немецкую классическую философию; не признает падшесть человеческой природы; недостаточно говорит о церковной соборности, опираясь на личный религиозный опыт; не уделяет в своих трудах должного внимания постулату о Троице, апокалиптике и демонологии; симпатизирует евреям и экуменизму; вследствие особенностей рождения и воспитания не отвергает протестантизм.

Ключевые слова: И. Ильин; религиозная философия; православие; немецкая классическая философия; богословие; святоотеческая литература.

Наследие русского религиозного философа И. Ильина, его общественно-политическая деятельность и сама личность И. Ильина представляют в истории русской философии, без преувеличения, уникальное явление. И. Ильин стал одним из самых ярких представителей эпохи «философского ренессанса» в России и принадлежит к плеяде выдающихся русских философов XIX–XX вв. Вместе с тем в последние годы в российском обществе и научных кругах появилась тенденция абсолютизировать все, сделанное И. Ильиным, и некритично следовать этому, ибо «его идеи среди православных ныне приобретают такой высокий авторитет, что зачастую рассматриваются как непререкаемые, особенно в области общественно-политической» [1, с. 3]. Имя И. Ильина зачастую стало использоваться в манипулятивных спекуляциях людьми, усвоившими его философское учение поверхностно и искаженно и использующих порой вырванные из

философского и общекультурного контекста цитаты из его трудов в целях политической моды и неблаговидного пиара. В противовес этому религиозная философия И. Ильина и его общественно-политическая деятельность нуждаются на сегодняшний день не в безудержной и безоглядной апологетике, а требуют внимательного, кропотливого, носящего, прежде всего, сугубо научный характер изучения. Очевидно, что «в своей творческой деятельности Ильин демонстрирует удивительные контрасты и противоречия» [1, с. 4].

Иван Александрович Ильин родился в Москве в 1883 г. в семье присяжного поверенного Московской судебной палаты, представителя древнего дворянского рода. Дед Ильина по отцу, Иван Иванович Ильин, дослужился до начальника Кремлевского дворца и был близок к императорскому двору. Под руководством Ивана Ивановича строился главный купол Большого Кремлевского дворца, спроектированного архитектором

К.А. Тоном. Мать, Екатерина Юльевна, урожденная Швейкерт, немка по рождению, также была родом из дворян. «И.А. Ильин был наделен от Бога целым рядом замечательных талантов: необычайной силой ума, большим литературным даром, позволявшим ему великолепно облекать свои мысли в словесные формулировки, огромной волей, громадным творческим потенциалом, тонким эстетическим чувством, потрясающей работоспособностью. Сюда же следует присовокупить высокие моральные качества: удивительную честность, полнейшую добросовестность, высокую порядочность» [2, с. 144]. Существенную роль в выработке самостоятельного мировоззрения И. Ильина сыграл, по нашему мнению, тот факт, что И. Ильин получил юридическое образование и был правоведам. Будучи преподавателем Московского университета, первую научную работу, связанную с его непосредственной научной специальностью (юриспруденцией), «Понятия права и силы. Опыт методологического анализа» (1910 г.), И. Ильин посвятил не только рассмотрению чисто юридических проблем, но и глобальной проблеме – жизни человеческой личности в социуме.

И. Ильина в молодости и на протяжении всей жизни увлекала западноевропейская культура, особенно классическая немецкая философия. Во многом благодаря матери Ильин блестяще овладел немецким языком и мог в подлиннике читать Гегеля, Канта, Фихте и других корифеев философской мысли. В молодости И. Ильин, в отличие от его философов-современников, не увлекался ни марксизмом, ни славянофилами. О его «западничестве» свидетельствуют многочисленные фрагменты его писем, где он говорит о своих интеллектуальных занятиях. В одном из писем к В.И. Герье (27 апреля 1916 г.) Ильин пишет: «Теперь начал читать и с особым интересом прочел Шопенгауэра «Афоризмы о житейской мудрости»... Наслаждался «Золотым ослом» Апулея и особенно Овидием. Немного скучаю над «Эмилем» Руссо, холодно удивляюсь Байрону, предвкушаю Паскаля и Шафтсбери» [2, с. 236]. Примечательно, что в списке для чтения И. Ильина нет ни одного русского автора. В дальнейшем эта тенденция сохранилась в трудах И. Ильина: мы во много раз чаще встречаем упоминание зарубежных философов, а русские авторы более всего присутствуют в текстах И. Ильина, если требуется текущая полемика.

В своей философии религии И. Ильин также не избежал сильного влияния западных философов. В этой части его особенно привлекают труды немецкого философа Шлейермахера: его философии религии посвящена работа И. Ильина «Шлейермахер и его «Речи о религии», формально являющаяся рецензией на русский перевод книги немецкого философа, выполненный С. Франком. Уже в этой работе русский философ закладывает одну из основ своей философии религии: для Шлейермахера религия есть чувствующее состояние и созерцание. Религия, по И. Ильину, не ограничивается чувством, но без чувственной сферы человека нет религии. Размышляя о содержании религиозной веры, Ильин определяет ее как форму непосредственного интуитивного усмотрения высшей сущности, как «чувствующее восприятие вселенной в ее целом, охватывающее в каждой конечной вещи мира присутствие единого Бесконечного, Божества» [3, с. 14]. Философскую концепцию «очевидности», на которую оказала несомненное влияние немецкая классическая философия, он определяет следующим образом: «Ты можешь и должен признавать и открыто исповедывать как истинное только то в познании, от чего ты, по крайнему, активно проверенному разумению своему, освободил себя от всех субъективистических искажений, осуществил все средства личного очищения и предметного углубления, известные человечеству, и достиг на этом пути испытания личной по душевному переживанию, но сверхличной по содержанию и значению познавательной очевидности» [4, с. 399]. Но тот же самый интуитивный акт, то же самое «переживание очевидности» лежит в основе всех других форм духовной деятельности человека: научного знания, искусства, морали. «Исследуемый предмет должен быть подлинно представлен в душе исследующего, не в «сознании» только, где так часто преобладают мертвые мысленные образы и концепции, минутные гости, оторвавшиеся от породившей их души и случайно задержавшиеся в чуждой им среде» [4, с. 402]. Противопоставление «души» и «сознания» в этом высказывании подчеркивает иррационально-интуитивный характер акта очевидности, который не сводится к акту мысли. В более поздних работах Ильина акт очевидности будет описываться в единстве его рациональных и иррациональных моментов.

Для русской философии эпохи «философского ренессанса» (С. Булгаков, В. Соловьев, С. Франк) характерно понимание опыта молитвы как акта транссубъективного характера. «Религия невозможна не только без Бога, – полагает И. Ильин, – но и без человека, в то же время». И. Ильин все-таки не считал, что религиозный опыт является полностью субъективным переживанием человека. Трансцендентное нельзя постигнуть исключительно путем познания. Культ же, упоминаемый вслед за Гегелем, имеет для И. Ильина важное, но не единственное значение. С точки зрения богословов, такое понимание отражает неканонический подход к трактовке православной веры. В этом случае И. Ильин опять «подставляет» себя под удар официального богословия и заслуживает упрек в протестантизме: «Такое понимание Церкви, явно недостаточное, характерно для всего творчества Ильина. Он часто говорит о вере в Бога, но почти никогда – о церковности. Более того, он восхищен книгой Шлейермахера «Речи о религии», в которой в духе крайне либеральных протестантских воззрений отстаивает субъективность религиозного опыта. Свою рецензию на эту книгу Ильин начинает словами: «Как хорошо, что эта книга переведена на русский язык! Это, бесспорно, одна из самых глубоких и освобождающих книг, написанных о религии» [1, с. 11]. В отличие от католичества И. Ильин отчасти симпатизирует протестантизму: «Протестантство в принципе разрешило душе религиозную самостоятельность и тем самым поколебало, но только поколебало представление об объективности, универсальности и абсолютности религиозной истины, «соборно» выработанной и вылитой в зрелые «священные формулы» [5, с. 406]. И.А. Евлампиев пишет, что не все у Шлейермахера устраивает Ильина: он не удовлетворен разрешением важного для Ильина вопроса: «как примирить абсолютную, т. е. единственную, исключительную и конечную верность и истинность религиозного усмотрения и верования, с множественностью столь же абсолютных, но иных по содержанию усмотрений и верований?» Иначе говоря, как мою личную, индивидуальную веру примирить с верой других? Ильин ищет разрешения этой антиномии в философской концепции «очевидности» [4, с. 387]. Таким образом, истинное – это то, что с очевидностью принято и умом, и сердцем. Теолог

Н. Сомин замечает: «Опять-таки у Ильина критерием истинности остается сам субъект. Но православие хорошо знает, что доверять себе опасно: человек находится в падшем состоянии, и как его ум, так и чувства искажены. Антиномия своей и чужой веры разрешается только на путях церковной соборности, а не поиска истины в самом себе» [1, с. 18]. По И. Ильину, если Бог не открывается человеку, то религия объективно невозможна, она основывается на пустых мечтаниях, фантазиях, если же человек не обращается к Богу, то религия субъективно неосуществима, потому что душа его будет религиозно мертвой. «Основанием всякой религиозной веры является *личный религиозный опыт человека*, а источником – пережитое в этом опыте *Откровение*», – пишет философ [6, с. 245]. Разумеется, с такой точкой зрения православные богословы согласиться не могут: «Заметим, что источник веры у И. Ильина – не Писание, не Евангелие, а личное откровение» [1, с. 16]. Автор статьи Н. Сомин указывает на то, что И. Ильину – религиозному философу чужд феноменологический подход к религии, когда многие знания принимаются «на веру»: «Здесь отсутствует очень важный элемент – доверие к Церкви, вера в то, что живущий в Церкви Дух Святой наставляет ее «на всякую истину» [1, с. 15]. В то же время «душевное созерцание», о котором так много говорит И. Ильин, не есть ли чистая феноменология? «Религиозное состояние есть особого рода глубокая и таинственная связь, которая может быть описана сразу – как «ухождение» человека в Бога и как «присутствие» Бога в человеке... молитва есть непосредственное единение с Богом», – пишет он в «Аксиомах религиозного опыта» [6, с. 308].

В этой концепции проявилась опять-таки личная честность философа: «Если я чего-то не узнал в личном религиозном опыте, то этого для меня не существует (хотя я не настолько глуп, чтобы утверждать, что этого не существует вообще)» [6, с. 372].

Вопрос об изначальной падшести человеческого рода И. Ильин, подобно церковным апологетам, в своей религиозной философии не ставит и сразу попадает под подозрение богословов: его упрекают в пелагианстве. «Пелагианская тенденция Ильина обнаруживает себя с разных сторон. Например, он часто апеллирует к «инстинкту», «естественному чувству», «естественному праву», часто превознося их, или, во всяком случае,

утверждая их положительную природу» [1, с. 21]. Спасение человека И. Ильин видит в личном, нравственном самоусовершенствовании, что сближает его с позицией еретика Л. Толстого, непримиримого оппонента И. Ильина в вопросе сопротивления злу силой. И. Ильин вообще проповедует индивидуализм – философию западного типа, что противоречит русской православной концепции соборности: «Индивидуализация инстинкта есть явление неизбежное, соответствующее законам человеческой природы и творчески драгоценное: нельзя и не подобает человеку пребывать в родовом всесмешении и недифференцированности, он должен найти себя в своем инстинкте, утвердить себя и начать самостоятельно творить свою жизнь» [6, с. 411].

Ильину были свойственны «основательность и дисциплинированность чисто германского типа» [2, с. 350]. Воспитание матери, перешедшей из протестантизма в православие, сказалось на его личности, выработав необычайное трудолюбие, высокую духовность и бескомпромиссность, а также свойственные немецкой протестантской культуре умеренность, отсутствие корыстолюбия и честность. (Известно, что впоследствии И. Ильин считал «нищету» хорошей жизненной школой, помогающей выработать философское отношение к богатствам тварного мира: «Господи! Благодарю тебя за дивную школу бедности! Она научила меня духовной свободе от земных «благ»...») [7, с. 402].

Ильина рассматривают преимущественно как религиозного мыслителя, тем более что некоторые его работы носят теологическую направленность («Религиозный смысл философии», «О сопротивлении злу силой», «Аксиомы религиозного опыта», «Путь духовного обновления», «О православии и католичестве» и др.). Главным свойством его религиозного мировосприятия, по мнению многих, была *религиозная цельность*. «Таковым религиозно цельным был сам Иван Ильин, таковой стала его философия, привлекающая к себе у нас и за рубежом, может быть, не многочисленных, но очень глубоких и вдумчивых людей, которым безразлична судьба своей страны, своего народа и осмысленность своей личной жизни», – считает биограф философа Ю.Т. Лисица [8, с. 11]. «Человек, – пишет И. Ильин, – религиозен лишь там, где он целен, и лишь постольку, поскольку ему удалось добиться в самом се-

бе внутреннего единения и единства» [4, с. 545]. О цельности, целостности религиозного мировоззрения писали другие философы «философского ренессанса», например, П. Флоренский: «Природа религии – соединять Бога и мир, дух и плоть, смысл и реальность... Религия ведет к таинственно-страшному и непостижимому объединению двух миров, и это делается культом» [2, с. 310].

И. Ильин был абсолютно уверен в особом, самобытном пути России. Философ был русским патриотом в лучшем смысле этого слова, причем у него мысль о России и русском народе неизменно связана с православной верой: «Воспринимать Россию сердцем, видеть с любовью ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть Дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время – указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов и требовать для этого дара свободы и самостоятельности на земле» [5, с. 376]. В то же время философ не принимает церкви, заключившей союз с большевизмом, и отрицательно относится к соглашению православных иерархов и новой власти, называя его «предательским конкордатом»: «Мы знаем, наконец, что в России есть и определенные *герои духа*, связанные так или иначе с тайной Церковью, не приемлющей патриарха Алексея с его молитвами о вожде Иосифе Виссарионовиче и об успехах его всемирного злодейства» [5, с. 414]. Революция большевиков, по мнению И. Ильина, – это катастрофа для России, политическая авантюра, «величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение», полностью растлевающее народ, в т. ч. и характерной для новой власти «ересью антихристианства». Такой строй служит делу дьявола, и он поэтому обречен и гибелен!» – пишет философ [5, с. 417]. В качестве причины победы большевистской революции он называет «безвольную, пассивную, сентиментальную мечтательность в государственном деле», свойственную русским исторически [5, с. 419]. Другим существенным недостатком И. Ильин считал подверженность чужим влияниям и отсутствие самостоятельности, оглядку на Запад. Именно перу философа принадлежит термин «международная закулиса», вошедший в обиход современных политологов.

Показательно, что в программу духовного развития молодежи И. Ильин внес пункт «Учение об исторических недостатках русского национального характера» [2, с. 771]. «Политические взгляды И. Ильина, его мнение о государственном устройстве и формах власти претерпели в течение его жизни значительную эволюцию. Концепция «страдающего Бога», раздвоенность, противоречивость которого обрекает мир и человека на вечный раздор и борьбу, оказалась удивительно точным выражением общественной ситуации начала XX в. с ее непримиримостью, ожесточением, готовностью идти до конца в защите исповедуемых идеалов» [9, с. 107]. И. Ильин, по свидетельствам современников, обладал принципиальным, жестким характером и непримиримо отстаивал свои убеждения – многие оппоненты Ильина даже называли его «большевиком» [9, с. 121]. «Здесь мы подходим к еще одному важнейшему принципу мировоззрения Ильина, который, к сожалению, обусловил некоторые отрицательные черты его характера и некоторые ошибочные положения его философской системы. Этим принципом является глубокая убежденность Ильина в наличии однозначной и четко проводимой границы между добром и злом в нашем мире, что вело к своеобразному нравственному максимализму, не признающему «полутонув» и «светотеней» в человеческих отношениях и в нравственной ориентации», – пишет авторитетный исследователь И. Ильина И.И. Евлампиев [9, с. 122]. Агрессивный тон его полемики нередко срывался почти на оскорбления (достаточно вспомнить, что в статье «Кошмар Бердяева» он зло изобразил последнего показывающим язык идиотом). Вместе с тем подобную агрессивность И. Ильина отчасти искупает его внутренняя цельность и истинная вера в идеалы, которые он исповедует. «Стиль его изложения на редкость безапелляционен. Сослагательного наклонения не бывает: Ильин всегда уверен в себе, он все знает, все понял, всегда прав. В сочетании с писательским мастерством и высокой содержательностью мысли такой стиль производит магическое, завораживающее впечатление на читателя» [9, с. 202]. В то же время для религиозного проповедника (искреннего поборника православной веры) и публициста, пишущего на общественно-политические темы (ярого противника большевизма), и пророка поколения «философского парохода», к ко-

торому причислял себя И. Ильин, тон его работ выглядит достаточно естественно и даже необходимо. И. Ильин в жизни не знал полутонув и не признавал их в своих работах, в т. ч. и о православии. Само название, например, работы «Аксиомы религиозного опыта» содержит слово «аксиома», т. е. не допускающее двойного толкования суждение. Вообще, мотив «двойничества», широко распространенный в западноевропейской культуре начала XX в., был философу чужд. «Человек религиозен лишь там, где он целен, и лишь постольку, поскольку ему удалось добиться в самом себе внутреннего единения и единства. Тот, кто признает Бога лишь одной частью души и духа, а другой, или даже другими – не признает, тот не закончил своего душевного катарсиса: он остановился на распутии и не имеет основания считать себя религиозным», – пишет И. Ильин [6, с. 422]. По мнению И. Ильина, духовный кризис, ныне переживаемый христианским миром, возник из утраты религиозной цельности.

Главным свойством русской души, открытой христианской вере, И. Ильин считает *сердечное созерцание*. Это способность видеть внутренним взором (оком) предметы невидимые, премирные, духовные, «когда человеческая любовь прилепляется к объективно значительному и священному жизненному содержанию, которым действительно стоит жить и за которое стоит бороться и умереть» [4, с. 542]. Присоединяясь к воле, сердечное созерцание связывает ее с совестью, сообщая ей ее настоящую глубину и подлинное благородство и научая ее видеть свою цель и измерять ее сразу мерилami совершенства и живой реализуемости.

Значение православия И. Ильин оттеняет критикой католицизма. В статье «О православии и католичестве» И. Ильин проводит сопоставительный анализ двух ветвей христианства, совершенно различного, по мнению философа, «духовного извода»: «Первичное и основное пробуждение веры для православного есть движение сердца, созерцающей любви, которая видит Сына Божия во всей Его благодати, во всем Его совершенстве и духовной силе, преклоняется и приемлет Его как сущую правду Божию, как свое главное жизненное сокровище. При свете этого совершенства православный признает свою греховность, укрепляет и очищает Им свою совесть и вступает на путь покаяния и очищения. Напротив, у католика вера про-

буждается от *волевого решения*: довериться такому-то (католически-церковному) авторитету, подчиниться и покориться ему и *заставить себя* принять все, что этот авторитет решит и предпишет, включая вопрос добра и зла, греха и его допустимости» [5, с. 408]. При толковании православия и анализе католичества И. Ильин дистанцируется от отдельных школ и течений: «В понимании и толковании этих факторов и самого русского творческого акта – важно оставаться предметным и справедливым, не превращаясь ни в фанатического «славянофила», ни в слепого для России «западника» [9, с. 206]. «Значение Православия в русской истории, культуре духовно-определяющее, – считает философ. – В то же время роль католичества в истории народов определена «католической пропагандой» [5, с. 407]. И. Ильин-религиовед определяет основные отличия православия от католицизма: «Это есть отличие *догматическое, церковно-организационное, обрядовое, миссионерское, политическое, нравственное и актовое*. Последнее отличие есть жизненно-первоначальное: оно дает ключ к пониманию всех остальных» [5, с. 408]. Самым главным философ считает «нравственное отличие». Православие вызывает к свободному человеческому сердцу. Католицизм вызывает к слепо-покорной воле. Православие ищет пробудить в человеке живую, творческую любовь и христианскую совесть. Католицизм требует от человека повиновения и соблюдения предписаний (законничество). Православие спрашивает о самом лучшем и зовет к евангельскому совершенству. Католицизм спрашивает о «предписанном», «запрещенном», «позволенном», «простительном» и «непростительном». Православие идет вглубь души, ищет искреннюю веру и искреннюю доброту. Католицизм дисциплинирует внешнего человека, ищет наружного благочестия и удовлетворяется формальной видимостью добродетели. И все это теснейше связано с первоначальным и глубочайшим актовым отличием, которое необходимо продумать до конца и притом раз и навсегда» [5, с. 409].

Перечисляя примеры обрядово-культурных и догматических отличий православия от католичества, И. Ильин ступает на «чуждую почву» чистой теологии и чувствует себя здесь менее уверенно, чем всегда, потому что фактически воспроизводит «прописные истины»: католичество телесно, восточное

православие пневматично; в католичестве введение в Символ Веры об исхождении Духа Святого не только от Отца, но и от Сына («филиокве»), существует догмат о непогрешимости римского папы в делах церкви и т. д. «Попытка представить себя теологом-теоретиком поставила И. Ильина под удар его оппонентов с такими, например, язвительными замечаниями: «Все, что он говорит, там где верно, там банально и тривиально. Эта удивительная банальность, в сочетании с ригоризмом, в сочетании с непрерывной риторикой, совершенно бессодержательной, удивляет не меньше» [10, с. 366]. «Ильин совершенно не чувствовал дистанции и потому писал указания, каким должен быть священник» [10, с. 368]. Но там, где являет себя «алмазная грань» его религиозной философии, И. Ильин, как всегда, чрезвычайно убедителен [5, с. 406].

Н. Сомин критикует И. Ильина также за то, что в его трудах о православной вере «очень мало упоминаний о диаволе и силах бесовских, почти нет апокалиптики» [1, с. 22]. Видимо, все это вне «субъективного религиозного опыта», считает автор статьи, в то время, как известно, что И. Ильин является автором отдельной работы, посвященной этому вопросу («К истории дьявола»).

Фигура И. Ильина настолько неоднозначна, что его подозревают в масонстве: «Ильин был, надо сказать, из всех интеллигентов самым патентованным: он был гегельянцем, да еще полунемцем!» [2, с. 334] XIX в., как известно, весь прошел под знаком немецкой философии, которая, в свою очередь, «блестяще развивала каббалистические идеи и была философией пантеизма». Исследователь русского масонства В. Острцов установил, что все сосланные из СССР философы, писатели и ученые входили в Религиозно-философское общество, расположенное на Ложенгауз по Клайсштрассе, 10 в Берлине, где и находилась штаб-квартира еврейской масонской организации «Бнай Брит». Первые шаги высланных интеллигентов освещала русскоязычная берлинская еврейская газета «Руль» [10, с. 178]. В рижской еврейской русскоязычной газете «Слово» в 1926 г. была напечатана статья Ильина «Черносотенство – проклятие и гибель России». Известно, что о. Иоанн Кронштадтский не любил ни евреев, ни интеллигенции («теперь университеты наполнены евреями, поляками, а русским места нет»), ожесточенно крити-

ковал и оппонента И. Ильина Л. Толстого, и самого И. Ильина за его взгляды [10, с. 332]. «Нельзя хромать на оба колена. Нельзя одновременно любить Льва Толстого и Иоанна Кронштадтского», – писал Н.С. Лесков [11]. Все эти факты еще раз доказывают, что в России философия и литература являются одновременно и искусством и политикой. Думается, отсутствие антисемитизма у И. Ильина не дает повода причислять его ни к юдофилам, ни к масонам.

Религиозные концепции «сердечного созерцания» и «духовной очевидности» И.А. Ильина, в которых философ говорит о «проникновенности любви и созерцательной силе», «свете очевидности», «созерцающем вчувствовании», «инстинктивной духовности», его идея о том, что человек «осуществляет свой земной путь от рождения до смерти в глубоком и неизбывном одиночестве», заставляют высказать предположение о близости религиозных идей философа течению исихазма. «Эта божественная и несозданная благодать и энергия Божия, уделяемая без ущерба, наподобие солнечного луча, придает озаряемым свое собственное сияние», – пишет И. Ильин [7, с. 323]. Подвижники исихазма видели славу Божию в виде ослепительного и неопишуемого света, подобного тому, что апостолы увидели на горе Фавор. И. Ильин говорит о молитве, от которой «остается тихое, тайное, бессловесное молитствование, подобное немеркнушему, спокойному, но властному свету» [7, с. 331]. Краеугольным камнем исихазма-практики духовного сосредоточения, или «умного делания», – является «Иисусова молитва», многократное обращение к Богу. «У всякого из нас есть свой собственный, внутренний врач, – замечает И. Ильин в «Поющем сердце». – Его нельзя ни видеть, ни слышать. Он ведет скрытую, таинственную жизнь и не отвечает на прямые вопросы. Но к нему можно и должно «прислушиваться» [7, с. 335]. Философ считал, что «есть особый дар внутреннего созерцательного внимания, и нам надо упражнять его» [7, с. 338]. «Сравнивая онтогносеологические структуры, отмечаем, что «практическое любомудрие», «естественное созерцание» и «мистическое богословие» в православном богословии исихазма соответствуют религиозному катарсису, «сердечному созерцанию» и «духовной очевидности» И.А. Ильина», – считает современный исследователь И. Ильина Г.В. Болотнов [12, с. 9].

Однако не следует, по нашему мнению, абсолютизировать влияние идей исихазма как восточно-христианского религиозного направления на творчество философа. Для такого подхода в его трудах по религиозной философии нет существенных оснований, нет также и фактических свидетельств, что И. Ильин серьезно занимался изучением исихазма, паламизма как его разновидности и трудов его основных теоретиков. В полной мере нельзя и утверждать, по нашему мнению, что философия И. Ильина эмигрантского периода принадлежит к православно-мистическому направлению русской религиозной философии, как утверждают некоторые современные исследователи. Вместо слова «молитва» в своих работах И. Ильин часто использует термин «медитация». В самом тексте книги «Аксиомы религиозного опыта», основополагающем в религиозной философии И. Ильина, «Христос упоминается довольно редко, не многим чаще, чем другие религиозные деятели: Будда, Конфуций, Платон, Сократ, Марк Аврелий и пр. Этим данная книга резко отличается от святоотеческих творений» [1, с. 4]. Ученик И. Ильина Н.Н. Полторацкий утверждает: «В «Аксиомах» безусловное предпочтение православной духовной традиции. Но исходные посылки экуменические: изучение внеконфессиональных «истин» духовного опыта» [2, с. 634].

Отмечая необходимость богословского православно-догматического анализа религиозной философии И. Ильина, учитывая возрастающую популярность его творчества, существующая в настоящее время критика со стороны православного богословия сводится при этом к следующему: И. Ильин ориентирован на Запад, прежде всего, опирается на немецкую классическую философию; не признает падшесть человеческой природы; недостаточно говорит о церковной соборности, опираясь на личный религиозный опыт; не уделяет в своих трудах должного внимания постулату о Троице, апокалиптике и демонологии; симпатизирует евреям и экуменизму; вследствие особенностей рождения и воспитания не отвергает протестантизм.

Нельзя не заметить неоднородность наследия русской религиозной мысли, в т. ч. и в святоотеческой литературе. «Давно уже было замечено, что русское православие не есть явление однотипное, одноликое. Тип русской святости, представленный Нилом Сорским, и тип этой святости, представлен-

ный Иосифом Волоцким, весьма различны. Совершенно своеобразен и тип русской святости, представленный Серафимом Саровским. Можно установить и ряд других различий. Очевидно, что в русском православии есть несколько течений. И вот, сторонники монашеско-аскетического течения нередко выступают против русской религиозной философии, более всего связанной с антропоцентрическим и космологическим течениями в православии» [13, с. 11].

Н.Н. Полторацкий по поводу религиозно-философских трудов И. Ильина писал: «Даже к чтению святоотеческой литературы православное догматическое сознание подходит критически: где соборная мысль Церкви, а где частное мнение? Тем более не стоит переоценивать «Аксиомы», как и другие произведения Ильина, касающиеся духовной жизни. Это не унижение авторитета философа и бесспорного культурного достоинства произведения. Эта книга может привести ученого человека к вере. Но она вряд ли полезна как руководство в духовном делании православного аскета» [13, с. 13].

И. Ильин известен своим умением в своих работах не сглаживать, а напротив, заострять и выносить на «всеобщее обсуждение» самые сложные, болезненные вопросы христианского вероучения, такие как, например, вопрос «о мече», самими богословами причисленный к «трудным местам Библии», о возможности применения насилия для христианина – «сопротивления злу силой». При этом нельзя умалить огромную важность религиозно-философских трудов И. Ильина, их неординарность и самобытность, последовательную линию на осмысление и развитие идеи православия в свете «ясности, честности и жизненности», их роль в наследии отечественной философской мысли.

«Под религиозной философией он понимал не богословскую догматику, ему чуждую, но свободное обсуждение религиозных проблем, в котором у него всегда чувствовалось влияние древней философской традиции и классического образования» [2, с. 278].

Происходит смешение концептуальных подходов: рассмотрение религиозной философии И. Ильина с позиций богословия возможно, но не единственно верно, потому что И. Ильин был хоть и православным, но прежде всего светским философом с европейским образованием, ориентированным не на теологический, а на сугубо философский подход.

1. *Сомин Н.В.* Достоинства и недостатки мирозерцания И.А. Ильина. URL: <http://ihtik.lib.ru/2013...hilosophy> (дата обращения: 19.12.2013).
2. *Ильин И.А.* Pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. СПб., 2004.
3. *Ильин И.А.* Шлейермахер и его «Речи о религии» // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 5-89.
4. *Ильин И.А.* Путь к очевидности // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 381-557.
5. *Ильин И.А.* Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. М., 2008. Т. 1.
6. *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта. М., 2006.
7. *Ильин И.А.* Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 227-380.
8. *Лисица Ю.Т.* И.А. Ильин: Историко-биографический очерк // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 5-36.
9. *Евлампиев И.И.* Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб., 2008.
10. *Острецов В.М.* Массонство, культура и русская история. М., 2003.
11. Павел Басинский: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой. История одной вражды. URL: <http://www.pravmir.ru/pavel-basinskij-ob-istorii-odnoj-vrazhdy-video/> (дата обращения: 19.12.2013).
12. *Болотнов Г.В.* Концепция религиозного опыта И.А. Ильина в контексте христианской антропологии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2013.
13. *Полторацкий Н.П.* Иван Александрович Ильин // Социальная философия Ивана Ильина. СПб., 1993. Ч. 1. С. 4-64.

1. *Somin N.V.* Dostoinstva i nedostatki mirosozercanija I.A. Il'ina. URL: <http://ihtik.lib.ru/2013...hilosophy> (data obrashhenija: 19.12.2013).
2. *Il'in I.A.* Pro et contra. Lichnost' i tvorcestvo Ivana Il'ina v vospominanijah, doku-mentah i ocenках russkih myslitelej i issledovatelej. SPb., 2004.
3. *Il'in I.A.* Shlejermaher i ego «Rechj o religii» // Il'in I.A. Sobraenie sochinenij: v 10 t. M., 1994. T. 3. S. 5-89.
4. *Il'in I.A.* Put' k ochevidnosti // Il'in I.A. Sobraenie sochinenij: v 10 t. M., 1994. T. 3. S. 381-557.
5. *Il'in I.A.* Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.: v 2 t. M., 2008. T. 1.
6. *Il'in I.A.* Aksiomy religioznogo opyta. M., 2006.

7. *Il'in I.A.* Pojushhee serdce. Kniga tihih sozercanij // Il'in I.A. Sobranie sochinenij: v 10 t. M., 1994. T. 3. S. 227-380.
8. *Lisica Ju.T. I.A.* Il'in: Istoriko-biograficheskij ocherk // Il'in I.A. Sobranie sochinenij: v 10 t. M., 1993. T. 1. S. 5-36.
9. *Evlampiev I.I.* Bozhestvennoe i chelovecheskoe v filosofii Ivana Il'ina. SPb., 2008.
10. *Ostrecov V.M.* Masonstvo, kul'tura i russkaja istorija. M., 2003.
11. Pavel Basinskij: Ioann Kronshtadtskij i Lev Tolstoj. Istorija odnoj vrazhdy. URL: <http://www.pravmir.ru/pavel-basinskij-ob-istorii-odnoj-vrazhdy-video/> (data obrashhenija: 19.12.2013).
12. *Bolotnov G.V.* Konceptija religioznogo opyta I.A. Il'ina v kontekste hristianskoj antropologii: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Belgorod, 2013.
13. *Poltorackij N.P.* Ivan Aleksandrovich Il'in // Social'naja filosofija Ivana Il'ina. SPb., 1993. Ch. 1. S. 4-64.

Поступила в редакцию 21.12.2013 г.

UDC 1(091)

SOME FEATURES OF PHILOSOPHY OF RELIGION OF I. ILYIN

Dmitriy Sergejevich PILIPCHUK, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Philosophy Department, e-mail: ray3dog@yandex.ru

I. Ilyin became one of the brightest representatives of "philosophical renaissance" epoch and belongs to the outstanding Russian philosophers of 19–20th centuries. Religious philosophy of I. Ilyin and his socio-political activity require today is reckless apologetics, but require the wearer, especially purely scientific nature of the study. In his philosophy of religion I. Ilyin did not avoid the strong influence of Western philosophers. Philosophical concept of "evidence" of I. Ilyin, which had an undeniable influence of German classical philosophy, is known. Intuitive act, the same "experience evidence", according to the philosopher, is the basis of all other forms of human mental activity: scientific knowledge, art, and morality.

The main feature of religious worldview of I. Ilyin was a religious integrity. Ilyin was absolutely sure in a special, distinctive way of Russia. The main feature of Russian soul, open to the Christian faith, believes that I. Ilyin heartfelt contemplation. The value of orthodoxy I. Ilyin criticism of Catholicism is considered. Religious concept of "heart of contemplation" and "spiritual evidence" of I.A. Ilyin, in which the philosopher speaks of "love and contemplative penetration force", "light of the evidence", "beholding empathy", "instinctive spirituality", his idea that "man shall his earthly journey from birth to death in a deep and inescapable alone", forced to assume proximity religious ideas of the philosopher flow quietism. Noting the need for theological analysis Orthodox dogmatic religious philosophy of I. Ilyin, given the increasing popularity of his work, which exists at the present time critic of religious philosophy of I. Ilyin by Orthodox theology, is then reduced to the following: I. Ilyin oriented to the West, primarily based on the German classical philosophy, does not recognize the fallenness of human nature says enough about catholicity of the church, based on personal religious experience, not in his writings pays due attention to the postulate of the Trinity, and apocalyptic demonology; like Jews and ecumenism, due to the nature of birth and upbringing does not reject Protestantism.

Key words: I. Ilyin; religious philosophy; Orthodoxy; German classical philosophy; theology; patristic literature.